

СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУРСЫ

П.Б. Михайлов

Анри де Любак в богословских дискуссиях о религиозном и религии на Втором Ватиканском Соборе

Петр Борисович Михайлов – кандидат философских наук. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 127051, г. Москва, Лихов пер., д. 6, стр. 1; e-mail: locuspetri@rambler.ru

В статье исследуется индивидуальный вклад в учение Второго Ватиканского Собора Римско-католической церкви (1962–1965) одного из выдающихся французских богословов XX в. – кардинала Анри де Любака (1896–1991). Очерчивается траектория его жизни, освещается новейшая зарубежная историография, предпринимается сравнение с вкладом других участников, оценивается герменевтический потенциал теологических разработок главного героя и приводится заключительная характеристика его отношения к искусственной оппозиции между историческим христианством и христианством в современном мире. Вопрос о теологическом релятивизме и религиозном плюрализме поднимается в связи с историей, известной как «фурвьерское дело» (энциклика *Humani generis*, 1950), имевшее тяжелые последствия в судьбе де Любака и его единомышленников; показывается связь в постановке под вопрос господствовавшей до середины века системой неосхоластики, закрепленной папской энцикликой *Aeterni Patris* (1879). Поводом для уточнения вопроса о предполагаемых границах сотериологии стала концепция об *имплицитном христианстве* (Э. Схиллебекс), на которую де Любак отвечает, опираясь на переосмысление доктрины о *сверхприродном* Фомы Аквинского. Она же позволяет ему сформулировать христоцентрическое понимание природы религии как таковой и на этом же основании предложить ответ на вопрос о критерии истины, сформулированном как принцип религиозного обращения.

Ключевые слова: Анри де Любак, Второй Ватиканский Собор, теология, догматический релятивизм, религиозный плюрализм, имплицитное христианство, христианская традиция, католическое богословие XX в.

Ссылка для цитирования: Михайлов П.Б. Анри де Любак в богословских дискуссиях о религиозном и религии на Втором Ватиканском Соборе // Философия религии: аналит. исслед. / Philosophy of Religion: Analytic Researches. 2020. Т. 4. № 1. С. 72–89.

Всего лишь несколько лет назад христианский мир отмечал пятидесятилетие Второго Ватиканского Собора (1962–1965) – XXI Вселенского Собора по католическому счислению – события, вне всякого сомнения, планетарного масштаба. В Ватикане в течение четырех лет, с 1962 по 1965 гг., на четыре осенние сессии собирались более трех тысяч католических епископов со всего света, генеральные настоятели монашеских орденов и конгрегаций, представители священства, профессуры и мирян по-прежнему самого многочисленного церковного образования во всем христианском мире. Реформы, предпринятые Собором, до сих пор воплощаются в жизнь, проходя через фильтры церковной рецепции, заметно отражаясь и на окружающем мире, коль скоро всякое знаменательное действие христианской Церкви, в настоящем случае церкви Католической, служит проповедью о Христе¹. Корпус документов Собора, принятый на Соборе в качестве обновленной официальной доктрины Католической церкви, поныне предоставляет пространство для напряженной герменевтической работы. Если у Собора есть богословие, то, несомненно, есть и богословы, его создававшие. Выявление их индивидуального вклада в соборное дело – это отдельная и важная исследовательская задача, до сих пор не утратившая своей актуальности.

Одним из богословов Собора был монах иезуитского ордена Анри де Любак (1896–1991). Впрочем, его значение среди религиозных деятелей прошлого столетия очевидно далеко не для всех. Даже такой выдающийся знаток гуманитарной и церковной ситуации прошлого столетия, как С.С. Аверинцев, в своем обзоре христианского богословия XX в. [Аверинцев, 2006], описывая глубокую трансформацию, осуществленную Католической церковью на Втором Ватиканском Соборе, ни разу не приводит имени А. де Любака, хотя Г.У. фон Бальтазар и К. Ранер упоминаются неоднократно. Между тем, знакомство с новыми источниками и последними исследованиями работы Собора убеждает в выдающейся роли де Любака, сыгранной им на Соборе, лучше каких-либо обзоров и обобщений. Поражает прежде всего его удивительная богословская пронизательность и несокрушимый христоцентризм богословских позиций.

Вехи биографии

А. де Любак вполне сформировался как религиозный мыслитель и выдающийся церковный писатель задолго до Собора. К этому времени у него за плечами около двадцати лет преподавательской деятельности на теологическом факультете Лионского католического университета, где он читал два основных курса – историю религий и христианскую апологетику (основное богословие). В 1938 г. вышла его первая монография – книга «Католичество. Социальные аспекты догмата» [de Lubac, 1938; де Любак, 1992], ставшая важным событием для читающей богословской аудитории. Многими разделяется оценка этого текста как развернутой программы богословских преобразований в духе

¹ О значительном внимании современного общества к Католической церкви сегодня свидетельствует успех сериалов Паоло Соррентино.

теологического обновления, которое, по замыслу автора, должно было охватить несколько направлений – общественное измерение христианской церковности в смысле нового открытия религиозной общиной своего исторического и актуального богатства внешнему миру, теология истории как целостное понимание многомерного и запутанного исторического процесса, наконец, новая библейская и историческая герменевтика, построенная на обновленных принципах патристической библейской экзегезы. Эта книга оказалась программной и для многих непосредственных участников Собора².

В военные годы де Любак оставался в Лионе, вступив в ряды духовного и интеллектуального сопротивления нацизму и став активным участником открытой и подпольной деятельности. Будучи как по возрасту, так и по состоянию здоровья (в годы Первой мировой войны он получил тяжелое ранение) неподлежащим строевой службе, он обратил на борьбу с врагом свое профессиональное оружие христианского ученого и церковного богослова. Лучшим свидетельством этой деятельности служит его книга «Христианское сопротивление антисемитизму: Воспоминания 1940–1944 годов» [de Lubac, 1988]. В годы войны им созданы и опубликованы несколько книг, причем не только специального теологического содержания. Среди них стоит отметить «Драму атеистического гуманизма» (1944) [де Любак, 1997], выдержавшую при жизни автора семь изданий. Здесь де Любак предпринял выявление истоков мировых катастроф XX столетия. С теологических позиций он подверг беспощадному анализу философские построения Л. Фейербаха и К. Маркса, Ф. Ницше и О. Конта и вывел из них основные типы атеистического гуманизма, в которых и заложены те бедствия, что постигли Европу и весь мир в следующем столетии, – гуманизм социальный и политический, экзистенциальный и индивидуалистический. Различные по своим основаниям эти системы едины в своем истоке, который определялся де Любаком как отрицание христианства представителями европейской культуры и отвержение Бога. По своим последствиям эти программы сходны. Все они неизбежно приводят к крушению человеческой личности и распаду общества. Таким образом Любак проследил, как атеистический гуманизм оборачивается антигуманизмом, богоборчество – истреблением человечества.

Книга «Сверхприродное» (1946) [de Lubac, 1946] – главный богословский труд всего XX столетия, по мнению современного теолога Джона Милбанка, а в творчестве самого де Любака – несомненно центральное произведение. Она была написана как развернутая критика неосхоластического принципа формального различия между «чистой природой» (*natura pura*) человека и «сверхданной благодатью» (*suraddita gratia*). Опираясь на методы исторической теологии, де Любак показывает, что эта концепция представляет собой превратное истолкование мысли Фомы Аквинского, предпринятое в период «второй схоластики» и закрепленное как официальное учение Католической церкви в конце XIX в. Подлинное учение Фомы говорит о наличии божественной цели существования в человеческой природе – «природной жажде созерцания сверхприродного»

² Так о ней, в частности, отзывался кардинал Йозеф Ратцингер, будущий папа Бенедикт XVI, – как о «поворотном [духовном] чтении в его собственной богословской траектории», цит. по: [Riches, 124].

[de Lubac, 1946, 431]. Реакция на разработку де Любака официальных богословских кругов была незамедлительной и резкой. Сначала вышло несколько гневных статей официальных богословов Ватикана, приближенных к римской курии. Но настоящий гром разразился над Лионом в 1950 г., когда в августе была опубликована папская энциклика *Humani generis*.

Де Любак вместе со своими единомышленниками (представителями так называемой новой теологии³, среди которых стоит прежде всего упомянуть доминиканцев М.-Д. Шеню и И. Конгара и иезуитов Ж. Даниелу и Г.У. фон Бальтазара) подвергся жесткой критике в этой энциклике за новаторские богословские идеи, оцененные официальной властью как опасные и вредные. За этим постановлением последовала десятилетняя опала, выразившаяся в отстранении от преподавания, внесении книг в индекс запрещенных изданий и в повышенных требованиях церковной цензуры. Гонения оставили тяжелый и неизгладимый след в судьбах представителей новой теологии. До конца жизни де Любака преследовало ощущение изгоя, несмотря на последовавшее еще при жизни признание его главных идей. Однако через несколько лет после реакционной энциклики климат стал постепенно меняться, и связано это было прежде всего с переменой верховной власти в Католической церкви. Вслед за скончавшимся в 1958 г. папой Пием XII на престол взошел уже престарелый папа Иоанн XXIII, от которого никто не ожидал продолжительного понтификата и каких-либо существенных перемен в жизни Церкви. Однако в первые же месяцы своего служения он объявил о намерении провести общецерковный Собор. С этого времени жизнь де Любака и его близкого окружения перевернулась. Опала была снята. Цензурные ограничения отменены. Открылись новые возможности работы на благо Церкви. Более того, в церковной печати де Любак обнаружил свое имя среди тех богословов, которые были включены в подготовительную комиссию. Ей было поручено разработать предварительную структуру соборной программы и выработать основные проекты его доктрины. Фактический статус де Любака на Соборе как церковного богослова без епископского сана не позволял ему быть непосредственным совершителем его деяний, однако влияние на прямых участников, экспертная поддержка и пронизательная богословская критика подготовительных соборных документов находились в зоне его полной компетентности.

Новая историография

Юбилейная веха Второго Ватиканского Собора подняла новую историографическую волну публикаций документов, источников и исследований Собора. К этому времени были напечатаны важные свидетельства ключевых участников Собора из среды французских богословов: двухтомник И. Конгара

³ Так называют неофициальное историко-богословское движение среди католических ученых, зародившееся в 1930-е гг. и развернувшее свою программу и различные проекты сразу после войны. См. подробнее в книге: [Mettepenningen, 2010], а также мою рецензию на нее: Вестник ПСТГУ. Богословие – Философия. I: 4 (32). М., 2010. С. 126–129.

«Мой дневник Собора» [Congar, 2002] и двухтомные «Соборные тетради» Анри де Любака [de Lubac, 2007], которыми восполняются многие недосказанности его большого автобиографического повествования «Воспоминания об обстоятельствах появления моих сочинений» [de Lubac, 2006]. Также были изданы многочисленные дневниковые записи и воспоминания других участников – доминиканского богослова М.-Д. Шеню, генерального секретаря Собора архиеп. Перикла Феличи, секретаря Богословской комиссии бельгийского архиеп. Жерара Филиппа, голландского богослова и консультанта Конгрегации вероучения Себастьяна Тромпа, председателя Секретариата по содействию христианскому единству архиеп. Иоханнеса Виллебрандса и многих других⁴. Обильные результаты принесли общие и специальные исследования, посвященные как истории проведения самого Собора, так и вопросам рецепции его доктрины. Подробное описание истории Собора содержит, в частности, классическая коллективная монография под редакцией Джузеппе Альбериги в пяти томах, первоначально увидевшая свет на итальянском (1995–2001), а затем или одновременно переведенная на основные европейские языки, в том числе на русский [История, 2003–2009]. Общие вопросы рецепции рассматриваются в монументальном исследовании Кристофа Теобальда [Theobald, 2009].

Вопросу о роли де Любака, сыгранной на Соборе, посвящено уже несколько исследований, также появившихся в последние годы: один из четырех томов его главного биографа, Жоржа Шантрена «Собор и послесоборный период» [Chantraine, Lemaire, 2013], обзор последних публикаций предлагает другой его биограф – Мари-Габриэль Лемэр [Lemaire, 2014], глава «Анри де Любак и Второй Ватиканский Собор» в коллективной монографии «Путеводителя по Анри де Любаку», написанной Аароном Ричесом [Riches, 2017], наконец, фундаментальное исследование историка Собора Лоика Фигурё [Figuereux, 2017], работа которого достойна особого внимания.

Исследование Л. Фигурё, в основе которого лежит диссертация по истории, защищенная в Университете Шарля де Голля в Лилле в 2010 г., – это своего рода «корпускулярная» история плотного переплетения идей и событий, прослеженная в мельчайших подробностях атомарного исторического факта, филигранное отображение чрезвычайно сложной и запутанной истории эпохального значения. Нужно сказать, что автору принадлежит особая честь издания соборного дневника А. де Любака – «Тетрадей Собора» [de Lubac, 2007]. Способ организации и подачи материала в книге Л. Фигурё можно охарактеризовать как *нарративное исследование* в противоположность *аналитическому* или *классифицирующему* подходам. По своему содержанию книга разворачивается в виде обильного цитирования самого разнообразного материала. Автор буквально обрушивает на читателя поток документов, что, с одной стороны, возлагает на последнего непосильное бремя их интерпретации и классификации, но с другой – предоставляет исключительно ценную возможность глубокого погружения в самую гущу событий полувековой давности, представленных порой почти с кинематографической визуальностью. Авторская заслуга здесь заключена в выверенном отборе различных исторических свидетельств,

⁴ Подробнее см.: [Figuereux, 2017, 403].

из которых складывается по-настоящему объемная картина, хотя кому-то, возможно, покажется недостаточно интерпретативного элемента, поскольку исследователь сознательно уклоняется от генерализирующих обобщений. Должно признать, что сам представленный в книге нарратив настолько выразителен и рельефен, что позволяет читателю с достаточной ясностью зафиксировать несущие структуры этого исторического сюжета и роли, сыгранной в соборной драме одним из выдающихся христианских мыслителей прошедшего столетия. Вполне закономерно, что структура и содержание книги строго соответствуют хронологическому порядку проведения Собора, начиная с подготовительного этапа. В целом она распадается на две приблизительно равные части – работа подготовительной комиссии, в которую де Любак был назначен консультантом, и основная работа Собора, в которой он выполнял совещательные функции с официальным статусом эксперта (*peritus*).

Источниковая база исследования весьма широка. В нее входят как широко известные источники, так и многочисленные архивные документы. К первой категории относятся двухтомные дневники де Любака – «Тетради Собора», подготовленные к изданию и снабженные комментариями автором монографии [de Lubac, 2007]. Де Любак начал их вести с 25 июля 1960 г., в тот день, когда он получил письмо от кардинала Тардини, сообщавшего о назначении его консультантом в подготовительной богословской комиссии, а последнюю запись сделал 8 декабря 1965 г. – в день закрытия Собора. Многие подробности этого важнейшего события в жизни де Любака раскрыты в его мемуарах – «Воспоминаниях об обстоятельствах появления моих сочинений» [de Lubac, 2006]. Дополнительные источники, которые использует Л. Фигурё, обладают особенной ценностью. Это многочисленные неизданные материалы, хранящиеся в частных и коллегиальных архивах, включая закрытые хранилища, в частности «Закрытый архив Ватикана», к которым историк имел доступ. Все эти ресурсы в совокупности дали Л. Фигурё возможность восстановления хода Собора на всех его этапах в мельчайших подробностях и отражения действительной роли, сыгранной на нем А. де Любаком.

Работа Собора

Структура грандиозной соборной работы состояла из специальных комиссий, в их числе первое место безраздельно занимала Богословская комиссия, в которую был включен и А. де Любак. Во главе каждой комиссии стоял кардинал, в основном составе были епископы и у каждой были свои богословы-эксперты. Корпус экспертов 1962 г. содержал 224 имени. Эксперты (лат. *periti*) не обладали правом голоса на Соборе, но именно они формировали основу соборных документов и несли на себе основное бремя детальнейшего обсуждения и разработки проектов-схем, принятых затем в качестве общецерковных постановлений Собора. Эксперты и были теми самыми богословами Собора. Как пишет один историк Собора, «...богословы сыграли... огромную роль. Временами их влияние становилось таким значительным, что многие

епископы яростно противились ему... фактическими “поварами собора” были богословы»⁵. И. Конгар признавал историческую правоту этого утверждения в отношении себя и своих коллег, записав в своем дневнике итоги Собора: «Собор принес свои плоды в большей мере благодаря вкладу богословов в его работу» [Congar, 1965, 465].

И действительно, среди экспертов, привлеченных к работе Собора и утверждавшихся лично папой, оказались и наиболее значительные и заметные католические богословы XX в., сформировавшиеся к этому времени, в том числе представители той самой «новой теологии» – доминиканцы и иезуиты: И. Конгар, А. де Любак, Ж. Даниелу, К. Ранер⁶ и другие. В большинстве своем они принадлежали к новому поколению католического богословия, сформировавшемуся в 30-е гг. Папа Иоанн XXIII (Ронкалли) открыто и явно поддерживал их богословские программы, ставшие ему известными и близкими еще в бытность его папским нунцием во Франции, куда он был назначен в 1944 г. Впрочем, эти богословы не имели большинства в экспертном корпусе, состав которого в целом был весьма консервативен и централизован⁷. Однако их выдающийся богословский авторитет часто заставлял молчать их более многочисленных противников⁸, а явная близость их богословских идей с поставленными перед Собором задачами давала им шанс сыграть выдающуюся и даже решающую роль в его постановлениях. В результате, именно они и оказались тем идейным рычагом в грандиозном повороте Католической церкви, который, в конечном счете, удалось осуществить, несмотря на глубочайший кризис католичества, им вызванный, продолжавшийся не одно десятилетие, возможно, не завершившийся и до сих пор.

Программа Собора была объявлена папой Иоанном XXIII за несколько лет до его начала, в 1959 г., и была развернута в ряде выступлений. Ключевым стало трудно переводимое итальянское слово, сразу вошедшее во многие европейские языки, «аджорнаменто» (*aggiornamento*), в которое вкладывался смысл церковного обновления, нового открытия христианства для мира и обращенности Церкви к современности. Под аджорнаменто должно понимать не пересмотр исторического христианства, а возвращение современного христианства к его изначальной природе. Как отмечает историк Собора Этьен Фуйю, слово «аджорнаменто» в действительности представляло собой «эвфемистическую замену запрещенного слова»⁹ «реформа». Примечательна смысловая траектория, описанная этим словом между двумя понтификатами обоих пап, возглавлявших Церковь во время проведения Собора, – Иоанна XXIII и Павла VI. Папа

⁵ Цит. по: [Витштадт, 2003, 530].

⁶ Карл Ранер, как о нем отзывается исследователь, «...самый влиятельный богослов Собора» – см.: [Витштадт, 2003, 536]. Впрочем, представителем *новой теологии* он не являлся, несмотря на идейную и личную близость с его лидерами.

⁷ Подробнее о составе и работе экспертного корпуса см. там же: [Витштадт, 2003, 531–546]. Здесь, в частности, приводятся сведения состава по национальному признаку: из Италии – 85 представителей, из которых 44 – члены римской курии; из Франции и Испании – 19 представителей, из США – 16 представителей, из Германии – 15 представителей и т. д. (с. 532).

⁸ См.: [Комончак, 2003, 271, примеч. 247].

⁹ [Фуйю, 2003, 85].

Иоанн XXIII, открывший Собор, но не доживший до его завершения, под аджорнаменто понимал преимущественно: «развитие католической веры, обновление (*aggiornamento*) христианской жизни, приспособление церковной дисциплины к нуждам и обычаям нашего времени»¹⁰. Папа Павел VI, сменивший своего предшественника в июне 1963 г. и доведший Собор до завершения, истолковывал это понятие в выдержанных консервативных тонах: «Когда он (Иоанн XXIII. – П.М.) использовал это программное слово, он, конечно, не придавал ему того смысла, который теперь некоторые склонны ему придавать, – смысла, который позволит *релятивизировать*... всё, имеющее отношение к Церкви: догматику, каноны, структуры, традиции... С этих пор *aggiornamento* будет означать для нас просвещенный взгляд на дух Собора и верное следование в русле перспектив, намеченных им столь счастливым и священным образом»¹¹. Итак, аджорнаменто, как обозначение соборной программы, заключало в себе как церковное новаторство, так и строгое консервативное по своей сути следование древней традиции. Новаторство сказалось прежде всего в новом открытии Церкви миру, консерватизм – в обращении к первоисточкам христианства.

Интерпретации и оценки

За прошедшие пятьдесят лет после окончания Собора недостатка в самых разных оценках его исторического значения не существует – от резко отрицательных до безоговорочно положительных. Предельные прочтения предпринятой реформы могут быть обозначены двумя диаметрально разнесенными фигурами, из которых каждая по-своему выразительна – это архиепископ-раскольник Марсель Лефевр¹² и швейцарский теолог-вольнодумец Ганс Кюнг¹³. Оба были активными участниками Собора, но уже после его проведения первый оказался отлучен от Католической церкви, а второму было запрещено вести преподавательскую деятельность от ее лица. Тем самым ни тот, ни другой не могут претендовать на роль выразителя сущностной идеи Собора, ни его «духа», ни «буквы». Они оказались выразителями тех крайних тенденций, которым не последовала Католическая церковь: с одной стороны, крайне закрытого консерватизма в духе самой резкой охранительной реакции неосхоластики, с другой – беспредельного религиозного плюрализма и ничем не ограниченно догматического релятивизма.

Основной тезис Л. Фигурё заключается в утверждении, что именно Анри де Любак был одной «из центральных фигур¹⁴ новой теологии» [Figoureux, 2017, 192] той масштабной реформы Католической церкви, которую осуществил

¹⁰ Энциклика “*Ad Petri Cathedram*” (29 июня 1959).

¹¹ Цит. по: [Теобальд, 2009, 463].

¹² На русском языке выходила его книга: [Лефевр, 2007]. См. также: [Шохин, 2011].

¹³ См.: [Шохин, 2004].

¹⁴ Французское выражение «*figures de proue*», к которому прибегает автор, буквально означает роstralную фигуру на носу корабля со всем богатством приходящих в этот образ довольно традиционных смыслов, присущих языку одной из исторических морских держав. Этим же образом выражается характерный центризм богословской и церковной позиции де Любака.

Ватиканский Собор. При этом другие исследователи, в частности Аарон Ричес, отмечают удивительную «загадку де Любака» [Riches, 2017, 127]. Дневники де Любака показывают, что он часто не только фактически оставался в стороне от основной соборной работы, но порой оказывался вынужденно удален и физически. Последнее обстоятельство объяснялось последствиями тяжелой травмы, полученной им еще в Первую мировую войну. В годы проведения Собора он перенес несколько медицинских операций, сопровождавшихся продолжительным реабилитационным периодом. В бестселлере американского журналиста и католического священника Ральфа Уилтгена «Рейн впадает в Тибр» (1966) [Wiltgen, 1985], освещавшего историю Второго Ватиканского Собора для широкой публики, Анри де Любак не упомянут ни разу, тогда как все более или менее значительные его сподвижники упоминаются неоднократно. Он не показывался на первых ролях, не выступал основным редактором главных постановлений Собора. Де Любак так и остался «теневого» фигурой на Соборе, однако опосредованное воздействие его идей, которые можно сложить в стройную программу, было определяющим для всего хода дела. Он сторонился присоединения к какой-либо партии на Соборе, поскольку отстаивал не частную позицию, а общую традицию. Ему равно чужды и даже враждебны были как *интегрис* (от лат. integer, -gra, -gritum – цельность, неповрежденность), крайние консерваторы и охранители незыблемых основ римской власти, так и *прогрессисты*, разрушавшие церковную традицию в угоду требованиям современности. «Прямое участие де Любака в Соборе через его работу в комиссиях оказалось весьма незначительным и несопоставимым с его общепризнанным статусом великого богослова и выдающимся символическим значением» [Figoureux, 2017, 392], а его непосредственный вклад в постановления Собора значительно уступал таковому его более молодых и активных единомышленников, как, например, Ива Конгара¹⁵, Карла Ранера¹⁶ или Жана Даниелу, посвященного в кардиналы вскоре после Собора (1969) в признание исключительных заслуг в ходе его проведения. Однако в роли де Любака, сыгранной им на Соборе, Л. Фигурё видит «символическое значение: само его присутствие на Соборе было знаком обновления, указывающим на завершение послевоенных начинаний, предпринятых в Католической церкви, и признание нового широко распространившегося движения желанного [церковного] обновления» [Ibid., 391–392].

Вклад в соборные документы

Исследователи отмечали несистематический характер экклезиологической мысли де Любака (см., например: [Wagner, 2001, 166]), именно в этом отношении высоко оценивая значение его вклада. Его собственные предпочтения хорошо видны на примере одной записи, сделанной за полгода до завершения

¹⁵ В своем «Дневнике Собора» Конгар приводит внушительный список соборных постановлений, в составлении которых он принял участие [Congar, 2002, 511].

¹⁶ «...самый влиятельный богослов Собора», как о нем отзывался один из исследователей [Витштадт, 2003, 536].

работы Собора в «Соборных тетрадах»: «Если мы сейчас все больше и большее говорим о системе христианской мысли (*conceptio christiana*), то это есть прямое следствие того, что мы все меньше говорим о христианской вере (*fides christiana*)»¹⁷. В его понимании Церковь это прежде всего тайна и «таинство Иисуса Христа на земле, подобно тому, как для нас Сам Христос, в своем человечестве, есть таинство Бога» [де Любак, 1994, 162]. Ее природу он характеризует как «единственное подлинно “открытое” общество», объединяющее все человечество в Троице, ибо она есть «таинство единства» [Там же, 189–191].

Как отмечают исследователи [Neufeld, 1988, 95–124], отследить роль де Любака в составлении официальных документов Собора и, в частности, ключевых текстов, посвященных экклезиологии (к которым следует отнести по крайней мере два документа – догматическую конституцию о Церкви «Свет народам» (*Lumen gentium*) и пастырскую конституцию о Церкви «Радость и надежда» (*Gaudium et spes*)), сложно. Однако с тем, что его влияние – прямое или косвенное – было значительным, разногласий не существует. Многие сходятся во мнении, что де Любак был «вдохновителем Собора»¹⁸. И, тем не менее, его вклад не ограничивается только духом постановлений; в некоторых случаях его влияние простирается и на их букву. Так, знаменитый 22-й параграф конституции «Радость и надежда» о Христе – Новом Человеке содержит слова: «Христос, последний Адам, в Откровении тайны Отца и Его любви полностью являет человека самому человеку и открывает ему его высочайшее призвание»¹⁹. Эти слова являются парафразой слов из его книги «Католичество» (1938): «Открывая Отца и открываясь благодаря Ему, Христос довершает откровение человеку о нем самом» [де Любак, 1992, 269]. Именно эта центральная идея настоящего документа вызвала в схоластических кругах консервативную реакцию за мнимый антропоцентризм. Хотя де Любак не работал непосредственно над предварительными схемами документа, известного как догматическая конституция о Божественном Откровении «Слово Божие» (*Dei Verbum*), он несомненно повлиял своим богословием на преодоление схоластической дихотомии двойного источника Откровения (*duplex fons*)²⁰. Наконец, тот соборный документ, который сам де Любак оценивал как центральный во всей архитектонике Собора, а именно догматическая конституция о Церкви «Свет народам» (*Lumen gentium*), в первом же параграфе содержит соборное выражение одной из постоянных идей, вокруг которой вращалась его мысль, а именно представление о том, что Церковь есть, главным образом, таинство Христа. На этом основании де Любак и выстраивал свою христоцентричную экклезиологию.

¹⁷ [de Lubac, 2007, t. 2, 374].

¹⁸ См., в частности: [Lemaire, 2014, 165].

¹⁹ *Gaudium et spes*, 22 [Документы, 1998, 393].

²⁰ Ср.: «Священное Предание и Священное Писание составляют единый священный залог Слова Божия, вверенный Церкви» – *Dei Verbum*, 10 [Документы, 1998, 243].

Догматический релятивизм

Один из активных участников Собора, теолог-эксперт Йозеф Ратцингер, а после своего избрания на римский престол, папа Бенедикт XVI, обратился к римской курии в декабре 2005 г. с известным обращением, подводя итог историческому делу Собора через сорок лет после его завершения. В своем адресе он различал два подхода – «герменевтику разрыва и распада церковного преемства» (a hermeneutic of discontinuity and rupture), с одной стороны, и «герменевтику реформы и обновления в преемстве единого [историко-мистического] субъекта Церкви» (hermeneutic of reform, of renewal in the continuity of the one subject-Church) – с другой [Benedict XVI, 2012, 9]. Первый случай, очевидно, ложный, второй – истинный. Две положительные составляющие истинной герменевтики – реформа и обновленная традиция – становились в ходе Собора объектом развернутых наступлений с двух противоположных фронтов – консервативного крыла «римской партии» Собора, так называемых интегрисов, особенно влиятельных в начале работы, и либерального крыла так называемых прогрессистов, возобладавших на следующем этапе. Анри де Любак организовал богословскую оборону на этих двух фронтах. Предметом спора стали две богословские проблемы: вопрос о догматическом релятивизме и проблема имплицитного христианства.

В полную силу вопрос о догматическом релятивизме был поставлен во круг «фурвьерского дела»²¹, как назвал упомянутый богословский кризис 1950 г. один из его главных историков, Этьен Фуйе. Именно тогда папской энцикликой *Humani generis* было осуждено движение, получившее название «новой теологии», во главе которой угадывалась заметная, но неофициальная фигура «главы школы Фурвьер» – Анри де Любак. Суть проблемы обозначил известный богослов Шарль Журне из швейцарского Фрибура. В одном письме в Жаку Маритену от 27.12.1945 он выразил беспокойство в связи с провозглашенным лионцами возвращением к отцам Церкви²², как носителям теологии более символического, чем рационального характера. По убеждению Журне, такой подход ставит под вопрос ценность томизма и схоластического богословия, провозглашенную энцикликой *Aeterni Patris* (1879) в качестве абсолютной и непреходящей нормы для всякого католического богословия. Вслед за своим другом и собратом по ордену П. Тейяром де Шарденом де Любак называл подобный эксклюзивизм Журне «фиксизмом» [Figoureux, 2017, 123].

Сам же де Любак стоит на той позиции, что истина христианского Откровения обладает непреходящим значением и вечная задача христианского

²¹ Фурвьер – так называется древний холм в исторической части Лиона, на котором располагалась богословская школа иезуитского ордена, получившая название по этому топониму. Де Любак лишь прожил здесь в орденских помещениях, преподавать «своим» по причине изначальной «неблагонадежности» ему было воспрещено. Именно поэтому он преподавал в Лионском католическом университете, а диссертацию по тем же самым причинам вообще никогда не писал.

²² Помимо прочего имелась в виду инициированная лионскими иезуитами книжная серия по изданию патристики «Христианские источники» (*Sources chrétiennes*), теперь всемирно известная и недавно выпустившая свой 600-й том. Она специализируется на издании оригинальных текстов древних христианских авторов, греческих, латинских и восточных, с современными переводами и богато документированными сопроводительными материалами.

разума заключается в ее постоянном постижении, в непрестанной проверке тех концепций, которыми она выражена, хотя это несколько не означает, что принятые формулировки догмата ставятся под сомнение. «Разнообразие теологических систем, – делает вывод Л. Фигурё, – позволяет ближе подойти к истине христианства» [Figoureux, 2017, 88]²³. При этом богословское развитие не всегда сопровождается прогрессивным характером, поэтому современный теолог волен черпать из всего исторического богатства христианского наследия, не ограничивая себя какой-либо одной избранной эпохой. Именно это и инкриминировалось де Любаку в качестве догматического и теологического релятивизма. Но именно в этом он сам видит парадокс и вечную новизну христианства, залог его внутреннего единства на протяжении всей его истории. Вот одна из его парадоксальных формул, приоткрывающая богословский метод *ресурсмента*²⁴: «необходимо восходить к самому далекому прошлому, тогда оно окажется самым близким настоящим» [de Lubac, 1946, 11]. И действительно, можно утверждать с полным основанием, что документы Собора показывают торжество теологии ресурсмента. Его постановления разного статуса содержат не только широкое цитирование библейских и патристических источников, но выражают самую сущность христианского богословия – христоцентризм.

Сотериологический инклюзивизм

Реформаторский энтузиазм Собора, которым были движимы многие его участники, получил неожиданное развитие в виде популярной концепции «имплицитного христианства», выразителем которой стал бельгийский богослов Эдвард Схиллебекс, деятельный сторонник идей «новой теологии», бывший на Соборе экспертом и консультантом голландского епископата как профессор теологии университета г. Неймеген. В одной нашумевшей статье «Церковь и мир» (1964) он предпринял попытку снятия границ между Церковью и миром за счет сведения эсхатологического и евангельского горизонта к естественным пределам человеческого существования, ограничив их проявления открытой, эксплицитной, и скрытой, имплицитной, формами. В этой статье Схиллебекс писал: «Сей мир по определению представляет собою *имплицитное христианство*... тогда как Церковь... со своим исповеданием веры, культом и таинствами является его выражением» – эксплицитным христианством. Диалог между этими двумя мирами представляет собой «*два подлинно христианских комплиментарных выражения* одной и той же *теологальной* жизни, сокрытой в Таинстве Христа», цит. по: [Figoureux, 2017, 312]). Августинский Град Божий в этой

²³ Ж. Даниелу посвятил раскрытию этого вопроса несколько статей, в частности [Daniélou, 1955]. Об этом подробнее [Михайлов, 2009, 29].

²⁴ Я склоняюсь именно к такому переводу определителя метода богословия де Любака и его единомышленников, который они охотно называли словосочетанием *théologie de ressourcement* («теология ресурсмента»), иными словами, теология «черпания» из главных источников христианской традиции – библейских, патристических, литургических, канонических и др. В конечном счете, во избежание какого-либо обособления и сведения общего к частному, единственным и единым источником де Любак называет воплощенное Слово Божие, средоточие Божественного Откровения.

концепции низводится на землю, а небесное призвание человека остается без осуществления. Концепция имплицитного христианства рискует обернуться развенчанием Церкви, столь привлекательным и желанным в глазах секулярного мира. Она сразу получила широкую мировую известность и стала распространяться чрезвычайно быстро как среди верующих и клириков, так и среди неверующих и атеистов.

А. де Любак едва ли не единственный увидел таящуюся здесь опасность растворения христианства в современности. В своем дневнике Собора де Любак описал свою встречу с одним парижским священником, сообщившим о распространении этих идей среди католического клира, а именно представлений о том, что «мир был всегда христианским, христианское Откровение есть лишь простой переход из имплицитной стадии в эксплицитную и проч. Я ему ответил, что являюсь стопроцентным противником этого мнения, что объективно это есть не что иное, как *измена Евангелию*» (цит. по: [Figoureux, 2017, 312]). Де Любак видел за этим намеренное устранение Церкви и дела Христа перед лицом самодостаточного мира. Публичным выражением позиции де Любака стал его демонстративный выход из состава редколлегии журнала *Concilium*, куда Схиллебекс входил одним из основателей. Следует сказать, что последний сумел остаться в рамках католической ортодоксии, однако его апологетическая концепция «имплицитного христианства» развернулась в экклезиологическую концепцию «священнодействия мира» (*sacramentum mundi*), в которой де Любак видел смешение истории человечества и истории искупления, а также отрицание потребности мира в спасении и посредствующей роли Церкви в этом, несущей миру свет Христов.

Анри де Любак хорошо известен своим богословием *сверхприродного*, важнейшей чертой которого является утверждение божественного призвания человека. Ее принципиальное отличие от концепции имплицитного христианства состоит в том, что в последнем случае это призвание снимается как необязательное, а естественное состояние человека признается достаточным для осуществления религиозного идеала. Роль же христианской традиции и церковной принадлежности сводится здесь к ни к чему не обязывающему дополнению. Открытие Церкви и христианства миру, выдвинутое как главная задача Собора, виделось де Любаку непременно в свете приобщения к традиции, а не в разрыве с ней. Его установочная позиция определяется как герменевтика реформы и обновленной традиции. Поэтому он решительно противостоял тем толкователям «духа Собора, но не его буквы», которые намеревались начать новое летоисчисление с момента окончания Собора, отказавшись от исторического наследия христианства под тем предлогом, что оно устарело и не отвечает запросам современности.

Религиозное многообразие и единая религия

В связи с концепцией *сверхприродного* де Любак подробно рассматривал и другую проблему – вопрос о нехристианских религиях. Его ответ можно было бы определить как «инклюзивный христиано-центризм», при котором за христианством удерживаются исключительные прерогативы на религиозную

истину, а состоятельность других религий измеряется большей или меньшей степенью приближения к нему²⁵. В своей религиологии де Любак исходит из идеи единой религии как факта человеческого существования, а не множества религий как факта научного изучения. Его внимание приковано не к феноменам религиозного, а к самой сущности религии. Ему чужд какой-либо редукционизм, сведение религии к какому-то началу – концептуальному, экономическому или историческому. Религию он рассматривает всерьез как сущностный атрибут человека. Дифференциацию религиозного многообразия он видит в ценностной иерархической перспективе, на вершине которой находится религия Богочеловека. Критерием принадлежности к истинной религии служит непреложный факт религиозного обращения. Залог религии в человеческой природе де Любак опознает в универсалистском масштабе, следуя древним христианским богословам. Он вдохновляется, в частности, Иринеем Лионским, писавшим: «Христос пришел не ради тех только, которые во времена Тиверия кесаря уверовали в Него, и Отец оказал Свое промышление не ради ныне только живущих людей, но для всех вообще людей, которые от начала в своем поколении по силе боялись и любили Бога, праведно и благочестиво вели себя в отношении к ближним и желали видеть Христа и слышать Его голос» (*Irenaeus. Adversus haereses* IV. 22, 2). Для него также важно мнение Августина, который писал о том, что различия в религиозных практиках людей, принадлежащих к разным традициям, второстепенны, если объект почитания священен (ср. *Augustinus. Epistulae* 102, 10). Следование голосу совести, истине, «зову сверхприродного» освобождает де Любака от какой-либо неразборчивости при сравнении различных религий и выяснений взаимоотношений между ними. Их истинность измеряется степенью приближения к единой истине, заложенной в человеческом роде, однако первый шаг к ней полностью зависит от человека. Глубина понимания проблемы уместается в одну формулировку, содержащую как универсалистское видение религии, так и критерий различения религий: «Мы все – члены одной человеческой семьи, совместно стремящиеся соединиться с Богом телом и душой» [Любак, 1992, 285].

В ходе проведения Собора де Любак не имел отношения к тем его документам, в которых рассматривался вопрос о нехристианских религиях, в частности к декларации об отношении Церкви к нехристианским религиям (*Nostra aetate*), однако его осведомленность в теме была значительной. Дело в том, что в самом начале своей педагогической карьеры, с 1930 г., де Любак занимался историей религий и буддизмом, в частности. Вынужденное отстранение от преподавания после энциклики 1950 г. дало ему возможность подвести итог своим изысканиям в этой области. В результате вскоре появилось три книги по индуистской религиозности, написанные в жанре историко-апологетической критики: «Аспекты буддизма» (1951), «Встреча буддизма и Запада» (1952) и «Амида» (1955). Как признание его разнообразных заслуг в вопросе о религиозном разнообразии можно расценивать назначение де Любака папой Павлом VI консультантом сначала Секретариата по нехристианам (1964–1974), затем Секретариата по неверующим (1965–1974), а позже членом Международной богословской комиссии (1969–1974).

²⁵ Подробнее об этом см.: [Grumett, 2017].

Через несколько лет после завершения работы Собора, вскоре после студенческой революции 1968 г., де Любак, Ж. Даниелу и Луи Буйе встречались с новым епископом Парижа Франсуа Марти, одним из активных сторонников соборного прогрессизма. Три богослова выразили свою обеспокоенность положением христианства во Франции, в особенности такой неожиданной имплементацией соборного учения, при которой церковная традиция воспринималась как некая *tabula rasa* и под этим предлогом должна быть переписана. Еп. Марти выразил свое недоумение: «После Собора мы думали, что наступило время прогрессизма. Теперь вы мне говорите, что прогрессизм не работает. Давайте же, наконец, вернемся к интегризму!», на что де Любак ответил: «Ваше Высокопреосвященство! Речь идет не о прогрессизме или интегризме, но об истине, а истина – это великое слово, наполненное глубоким богословским смыслом!» [Chantraine, Lemaire, 2013, 438–439]. Истина для Анри де Любака заключалась в обновлении живой традиции, которой направлялась его критика сотериологического инклюзивизма, открытая религиология и христоцентрическая антропология.

Список литературы

- Аверинцев, 2006 – *Аверинцев С.С.* Христианство в XX веке // *Аверинцев С.С.* Собр. соч. София-Логос. Словарь. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2006. С. 640–698.
- Витштадт, 2003 – *Витштадт К.* Накануне II Ватиканского Собора (1 июля – 10 октября 1962 г.) // *История II Ватиканского собора. Т. I: Навстречу новой эре в истории католичества. Провозглашение и подготовка Собора, январь 1959 – сентябрь 1962.* М.: ББИ, 2003. С. 480–589.
- де Любак, 1992 – *Любак А. де.* Католичество. Социальные аспекты догмата. М.: Милан, 1992. 397 с.
- де Любак, 1994 – *де Любак А. де.* Мысли о церкви. Милан; М., 1994. 303 с.
- де Любак, 1997 – *Любак А. де.* Драма атеистического гуманизма. Милан; М., 1997. 302 с.
- Документы, 1998 – *Документы II Ватиканского Собора.* М.: Паолине, 1998. 589 с.
- История, 2003–2009 – *История II Ватиканского Собора. Т. I–V.* М.: ББИ, 2003–2009.
- Комончак, 2003 – *Комончак Ю. А.* Борьба вокруг подготовки II Ватиканского Собора (1960–1962) // *История II Ватиканского собора. Т. I: Навстречу новой эре в истории католичества. Провозглашение и подготовка Собора, январь 1959 – сентябрь 1962.* М.: ББИ, 2003. С. 198–422.
- Лефевр, 2007 – *Лефевр М.,* архиеп. Они предали Его. От либерализма к отступничеству. СПб.: Владимир Даль, 2007. 349 с.
- Михайлов, 2009 – *Михайлов П.Б.* Жан Даниелу (1905–1974): кардинал, ученый, богослов // *Вестник ПСТГУ. Богословие – Философия. I: 3 (27).* М., 2009. С. 13–31.
- Теобальд, 2009 – *Теобальд К.* Церковь, водимая Словом Божьим // *История II Ватиканского собора. Т. V: Собор – поворотный момент в истории Церкви.* М.: ББИ, 2009. С. 357–464.
- Фуйю, 2003 – *Фуйю Э.* Стадия предварительной подготовки. Медленное преодоление инерции (январь 1959 – октябрь 1962) // *История II Ватиканского собора. Т. I: Навстречу новой эре в истории католичества. Провозглашение и подготовка Собора, январь 1959 – сентябрь 1962.* М.: ББИ, 2003. С. 64–197.
- Шохин, 2004 – *Шохин В.К.* Ганс Кюнг и предлагаемый им проект глобального этоса // *Вопросы философии (2004).* № 10. С. 65–73.
- Шохин, 2011 – *Шохин В.К.* «Они предали Его»: Архиепископ Марсель Лефевр о Втором Ватиканском Соборе // *Философия религии: Альманах. 2010–2011.* М.: Восточная литература, 2011. С. 501–514.

- Benedict XVI, 2012 – *Benedict XVI. What Has Been the Result of the Council?* // Vatican II: The Essential Texts / Ed. by N. Tanner. NY: Image, 2012. P. 3–14.
- Chantraine, Lemaire, 2013 – *Chantraine G., Lemaire M.-G. Henri de Lubac, t. IV. Concile et après-Concile (1960–1991)*. Paris: Cerf, 2013. 822 p.
- Congar, 1965 – Congar Y. Vatican II: Le Concile au jour le jour: troisième session. T. 3. Paris, 1965. 179 p.
- Congar, 2002 – *Congar Y. Mon journal du Concile*. 2 t. Paris: Cerf, 2002. 595, 632 p.
- Daniélou, 1955 – *Daniélou J. Unité et pluralité en matière de théologie* // Philosophie chrétienne. Paris, 1955. P. 11–21.
- de Lubac, 1938 – *Catholicisme, les aspects sociaux du dogme*. Paris, 1938. 393 p.
- de Lubac, 1946a – *Lubac H. de. Paradoxes*. Paris: Le Livre français, 1946. 123 p.
- de Lubac, 1946b – *Lubac H. de. Surnaturel. Études historiques*. Paris, 1946. 498 p.
- de Lubac, 1968 – *Lubac H. de. Athéisme et sens de l'homme, une double requête de «Gaudium et spes»*. Paris, 1968. 150 p.
- de Lubac, 1988 – *Lubac H. de. Résistance chrétienne à l'antisémitisme: souvenirs 1940–1944*. Paris: Fayard, 1988. 270 p.
- de Lubac, 2006 – *Lubac H. de. Mémoire sur l'occasion de mes écrits*. Paris, 2006. 506 p.
- de Lubac, 2007 – *Lubac H. de. Carnets du Concile*. 2 t. Paris: Cerf, 2007. L-566, 567 p.
- Figoureux, 2017 – *Figoureux L. Henri de Lubac et le Concile Vatican II (1960–1965)*. Turnhout: Brepols, 2017. 426 p.
- Grumett, 2017 – *Grumett D. On Religion* // T & T Clark Companion to Henri de Lubac / Ed. by J. Hillebert. London; NY: Bloomsbury T & T Clark, 2017. P. 247–268.
- Lemaire, 2014 – *Lemaire M.-G. Publications récentes sur Henri de Lubac et le concile Vatican II* // Les théologiens français et le concile Vatican II. Paris, 2014. P. 163–170.
- Mettepenningen, 2010 – *Mettepenningen J. Nouvelle Theologie – New Theology. Inheritor of Modernism, Precursor of Vatican II*. L.: T & T Clark International, 2010. 218 p.
- Neufeld, 1988 – *Neufeld K. Au service du Concile, évêques et théologiens au deuxième concile du Vatican* // Vatican II, bilan et perspectives, vingt-cinq ans après. Montréal; Paris, 1988. T. 1. P. 95–124.
- Riches, 2017 – *Riches A. Henri de Lubac and the Second Vatican Council* // T & T Clark Companion to Henri de Lubac / Ed. by J. Hillebert. London; NY: Bloomsbury T & T Clark, 2017. P. 121–156.
- T & T Clark Companion to Henri de Lubac / Ed. by J. Hillebert. London; NY: Bloomsbury T & T Clark, 2017. 492 p.
- Theobald, 2009 – *Theobald C. La réception du concile Vatican II*. T. I. Accéder à la sources. Paris: Cerf, 2009. 928 p.
- Wagner, 2001 – *Wagner J.-P. Henri de Lubac*. Paris, 2001. 253 p.
- Wiltgen, 1985 – *Wiltgen R.M. The Rhine Flows into the Tiber: A History of Vatican II*. Rockford, IL: Tan Books, 1985. 304 p.

Henri de Lubac in the Theological Discussions about Religious and Religion at the Second Vatican Council

Petr B. Mikhaylov

St. Tikhon's Orthodox University 6/1 Lihov pereulok, Moscow 127051, Russian Federation; e-mail: locuspetri@rambler.ru

The article reflects on an individual contribution into the doctrine of the Second Vatican Council (1962–1965) of a famous French theologian Henri de Lubac (1896–1991). Author draws the lines of his life, proposes an account of contemporary historiography. A comparative study

concerning the other participants shows an originality and potentiality of Lubac's theological hermeneutics. As the result a kind of characteristic of his understanding towards artificial opposition between historical Christianity and Christianity in the contemporary world is shown. A question about theological relativism is related with a system of *neoscholasticism*, dominated from the XIXth c. H. de Lubac shows specificity of theological dynamics through the ages. The concept of *implicit Christianity* of E. Schillebeeckx was opposed by H. de Lubac from the point of view of a new reading of the doctrine of St. Thomas about *supernaturalis*. The same fundament makes possible an answer on the question about the nature of religion and of a criteria of truth, formulated as a principle of essential religious conversion.

Keywords: Henri de Lubac, the Second Vatican Council, theology, theological relativism, religious pluralism, the implicit Christianity, Christian tradition, Catholic theology of the 20th c.

Citation: Mikhaylov P.B. "Henri de Lubac in the Theological Discussions about Religious and Religion at the Second Vatican Council", *Philosophy of Religion: Analytic Researches*, 2020, Vol. 4, No. 1, pp. 72–89.

References

- Averintsev, S.S. *Christianstvo v XX veke* [Christianity in XX century], in: Averintsev, S.S. *Sobranije sochineniy. Sophia-Logos. Slovar'*. Kiev: DUH I LITERA, 2006. pp. 640–698. (In Russian)
- Benedict XVI. What Has Been the Result of the Council? in: *Vatican II: The Essential Texts*, Ed. by N. Tanner. NY: Image, 2012, pp. 3–14.
- Chantraine G., Lemaire M.-G. *Henri de Lubac*, t. IV. *Concile et après-Concile (1960–1991)*. Paris: Cerf, 2013. 822 p.
- Congar, Y. *Vatican II: Le Concile au jour le jour: troisième session*. T. 3. Paris, 1965. 179 p.
- Congar, Y. *Mon journal du Concile*. Paris: Cerf, 2002. T. II. 632 p.
- Daniélou, J. Unité et pluralité en matière de théologie, in: *Philosophie chrétienne*. Paris, 1955. P. 11–21.
- de Lubac, H. *Catholicisme, les aspects sociaux du dogme*. Paris, 1938. 393 p.
- de Lubac, H. *Paradoxes*. Paris: Le Livre français, 1946. 123 p.
- de Lubac, H. *Surnaturel. Études historiques*. Paris, 1946. 498 p.
- de Lubac, H. *Athéisme et sens de l'homme, une double requête de «Gaudium et spes»*. Paris, 1968. 150 p.
- de Lubac, H. *Résistance chrétienne à l'antisémitisme: souvenirs 1940–1944*. Paris: Fayard, 1988. 270 p.
- de Lubac, H. *Mémoire sur l'occasion de mes écrits*. Paris, 2006. 506 p.
- de Lubac, H. *Carnets du Concile*. 2 t. Paris: Cerf, 2007. L-566, 567 p.
- de Ljubak, A. *Katolichestvo. Socialnie aspekti dogmata* [The Social Aspects of Dogma]. Moscow, 1992. 397 p. (In Russian)
- de Ljubak, A. *Misli o Zerkvi* [Images of the Church]. Milan; Moscow, 1994. 303 p. (In Russian)
- de Ljubak, A. *Drama ateisticheskogo gumanizma* [The Drama of Atheist Humanism]. Milan; Moscow, 1997. 302 p. (In Russian)
- Dokumenti II Vatikanskogo Sobora* [Documents of the Second Vatican Council]. Moscow, 1998. 589 p. (In Russian)
- Figureux, L. *Henri de Lubac et le Concile Vatican II (1960–1965)*. Turnhout: Brepols, 2017. 426 p.
- Fouiu, E. *Stadia predvaritelnoi podgotovki. Medlennoe preodolenie inertzii* (janvar' 1959 – oktabr' 1962) [Stage of preliminary preparation. Slow overcoming of inertia], in: *Istoria II Vatikan-skogo Sobora* [History of the Second Vatican Council]. T. I. Moscow, 2003, pp. 64–197. (In Russian)

Grumett, D. On Religion in: *T & T Clark Companion to Henri de Lubac*. Ed. by J. Hillebert. London; NY: Bloomsbury T & T Clark, 2017, pp. 247–268.

Istorija II Vatikanskogo Sobora [History of the Second Vatican Council]. T. I–V. Moscow: BBI, 2003–2009. (In Russian)

Komonchak, J.A. Bor'ba vokrug podgotovki II Vatikanskogo Sobora (1960–1962) [The wrangle on preparation of the Second Vatican Council (1960–1962)], in: *Istorija II Vatikanskogo Sobora [History of the Second Vatican Council]*. T. I. Moscow, 2003. P. 64–197. S. 198–422. (In Russian)

Lefevr, M. *Oni predali Ego. Ot liberalizma k otstupnishestvu [They betrayed him. From liberalism to otstupnichestvu]*. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal', 2007. 349 p. (In Russian)

Lemaire, M.-G. Publications récentes sur Henri de Lubac et le concile Vatican II in: *Les théologiens français et le concile Vatican II*. Paris, 2014, pp. 163–170.

Mettepenningen, J. *Nouvelle Theologie – New Theology. Inheritor of Modernism, Precursor of Vatican II*. L.: T & T Clark International, 2010. 218 p.

Mikhaylov, P.B. Jean Danielou (1905–1974): cardinal, uchenij, bogoslov, in: *Vestnik PSTGU. Bogoslovije – Filosofija*, I: 3 (27), 2009, pp. 13–31. (In Russian)

Neufeld, K. Au service du Concile, évêques et théologiens au deuxième concile du Vatican in: *Vatican II, bilan et perspectives, vingt-cinq ans après*. Montréal-Paris, 1988. T. 1, pp. 95–124.

Riches, A. Henri de Lubac and the Second Vatican Council in: *T & T Clark Companion to Henri de Lubac* / Ed. by J. Hillebert. London; NY: Bloomsbury T & T Clark, 2017, pp. 121–156.

Shokhin V.K. Gans Kueng I predlagaemij im proekt global'nogo etosa [Hans Küng and his project oh global ethos], in: *Voprosi filosofii*, 2004, № 10, pp. 65–73. (In Russian)

Shokhin V.K. Oni predali Ego: arhiepiskop Marcel' Lefevr o Vtorom Vatikanskom Sobore [They betrayed him. Archbishop Marsel' Lefevr talks about the Second Vatican Council], in: *Filosofija religii: Almanach*, 2010–2011, pp. 501–514. (In Russian)

T & T Clark Companion to Henri de Lubac / Ed. by J. Hillebert. London; NY: Bloomsbury T & T Clark, 2017. 492 p.

Teobal'd, K. Zerkov', vodimaja Slovom Bozhiim, in: *Istorija II Vatikanskogo Sobora [Church led by the Word of God, History of the Second Vatican Council]*. T. V. Moscow, 2003. S. 357–464. (In Russian)

Theobald, C. *La réception du concile Vatican II. T. I. Accéder à la sources*. Paris: Cerf, 2009. 928 p.

Vitschtadt, K. Nakanune II Vatikanskogo Sobora (1 ijulya – 10 oktyabrya 1962 g.) [History of the Second Vatican Council], in: *Istorija II Vatikanskogo Sobora*. T. I: *Navstrechu novoj ere v istorii katolichestva. Provozglasheniye i podgotovka Sobora, janvar' 1959 – sentyabr' 1962 [Going towards new era of Catholic history, declaration and preparation of the Council, June 1959 – September 1962]*. Moscow: BBI, 2003, pp. 480–589. (In Russian)

Wagner, J.-P. *Henri de Lubac*. Paris, 2001. 253 p.

Wiltgen, R.M. *The Rhine Flows into the Tiber: A History of Vatican II*. Rockford, IL: Tan Books, 1985. 304 p.